

ИЗБАВИТЬ ОТ ЗАБВЕНИЯ: К 60-ЛЕТИЮ СМЕРТИ Ф.И.ДАНА (1871 – 1947)

ХАРТМУТ РЮДИГЕР ПЕТЕР

*Институт истории
Университета
Мартина Лютера
(Халле-Виттенберг,
Германия)*

Хотя Ф.И.Гурвич (псевдоним Дан) относился к ведущим деятелям Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) и в 20-30-х гг. стоял во главе своей организации в изгнании, его имя сегодня почти забыто. Его вполне можно назвать одним из самых современных политиков меньшевизма. Ставший «западником» по опыту эмиграции, он стремился оформить свою партию как современную социал-демократическую партию, способно политически использовать даже ограниченные парламентские возможности думского конституционализма. В центре статьи стоит Дан как «профессиональный эмигрант» и его деятельность в международной социал-демократии. Здесь он выступал как тесный соратник Отто Бауэра. Хотя «бауэризм» принес ему растущую изоляцию не только внутри меньшевистской эмиграции, но и в социал-демократическом Интернационале, он остался и после смерти Бауэра настолько же верен его заветам, насколько он чувствовал себя обязанным выполнять политическое завещание Мартова, хотел быть хранителем их идей, их политического наследия. Политическая позиция Дана в последние годы его жизни оценивалась большинством меньшевиков как ренегатство. Но его эволюция была логическим следствием и итогом его жизненного пути: Дан остался и после двух десятилетий эмиграции меняющимся тактически человеком дела.

Ключевые слова: Ф.И.Дан, меньшевизм, социал-демократия, русская эмиграция, О. Бауэр, Ю.О.Мартов, ренегатство, «Социалистический вестник», Л.Блум, К.Каутский, Социалистический рабочий Интернационал.

22 января 2007 г. исполнилось 60 лет со дня смерти российского социал-демократа Ф.И.Гурвича (псевдоним Дан). Хотя он уже со времен революции 1905 – 1907 гг. относился к ведущим деятелям Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) и в 20-30-х гг. стоял во главе своей организации в изгнании, его имя сегодня почти забыто. Очевиден факт, что мелкий, довольно невзрачный врач редко освещался огнями исторической рампы и во время революционных событий 1905 – 1907 и 1917 гг. не выступил ни как харизматический вождь рабочих, ни как выдающийся оратор. И хотя история меньшевистской прессы от «Искры» через «Голос социал-демократа» до «Социалистического вестника» неразрывно связана с его именем, и он оставил обширное публицистическое наследие, он был только одним из многих талантливых литераторов среди меньшевиков. Основным полем деятельности Дана была организаторская и политическая повседневная работа, а не революционное действие. По большей части он стоял в тени других, около своего друга Ю.О.Мартова или грузина Ираклия Церетели. Что его отличает и делает интересной фигурой даже с сегодняшней точки зрения, это, однако, не его организаторское и тактическое умение. Дана вполне можно назвать одним из самых современных политиков меньшевизма. Ставший «западником» по опыту эмиграции, он стремился оформить свою партию как современную социал-демократическую партию, политически использовать даже ограниченные парламентские возможности думского конституционализма и направить Россию после февральской революции на путь парламентско-демократической системы. В том, что это видение быстро стало иллюзией, трудно упрекнуть меньшевиков, даже если внутренняя разобщенность демократическо-социалистического лагеря благоприятствовала победе большевиков. Определенно, и сегодня стоит исторически оценить альтернативы, которые они предлагали России.

На жизненный опыт Ф.И.Дана, как и многих российских социал-демократов, наложили сильный отпечаток как арест и ссылка в России, так и эмиграция. Их мышление, их понимание марксизма, их представления о политическом будущем России и о путях ее перестройки определялись как действительностью царского режима, так и знакомством с западноевропейским обществом. В симбиозе обоих влияний заключалась, с одной стороны, современность их мышления по сравнению с другими политическими силами клонящейся к закату империи. Но, с другой стороны, многочисленные конфликты с общественными реальностями России имели здесь свои причины, внутренние споры находили свой выход, способствовали образованию внутрипартийных фракций и расколу. История меньшевист-

ской эмиграции с этой точки зрения до сегодняшнего дня изучена еще далеко не достаточно. Это, однако, лишь одна из причин, почему в этой краткой зарисовке в центре внимания стоят годы эмиграции Дана. В равной мере существенно напомнить, что он провел преобладающую часть своей политической жизни за пределами России и не только на своей родине, но и в европейской социал-демократии оставил след, достойный памяти.

Профессиональный эмигрант и интернационалист.

Перефразируя термин «профессиональный революционер», который без сомнения, также относится к нему, Дана можно охарактеризовать и как «профессионального эмигранта». Уже перед революцией 1905 г. он периодически был вынужден искать за границей пристанище от преследований царской полиции. Франция, Германия и Швейцария, а позднее и скандинавские страны были ему хорошо известны. Немецкий язык, который он изучил еще ребенком при поездках во время отпусков со своими родителями, скоро перестал быть для него иностранным языком, также как и французский. Обои языками он со временем овладел и как публицист, и как оратор. В Берлине Дан был одним из инициаторов Группы поддержки «Искры». Аналогичные группы имелись также в других немецких городах. Их активисты – наряду с политэмигрантами по большей части студенты – дискутировали, собирали и выпускали социалистическую литературу, которая позднее нелегально доставлялась в Россию, заботились о беглых и эмигрировавших. В Германии они морально, финансово и организационно поддерживались СДПГ. Федор Дан, таким образом, был причастен уже к возникновению сети организации, к структурам и опыту которой меньшевики могли вернуться уже в годы более поздней эмиграции¹.

В «искровский» период до 1903 г. Дан временно тесно сотрудничал с Лениным². Находясь под влиянием своего ментора и друга Ю.О.Мартова, с сестрой которого Лидией он с 1905 г. жил вместе, он после второго партсъезда присоединился к меньшевистской группе РСДРП и быстро вошел в число ее ведущих политиков и публицистов. Целеустремленный и «способный к приспособлению теоретических выводов к делам», он отличался «деловитостью и жесткостью, которые делали его способным осуществлять запланированные партией стратегические цели»³. Он был человеком дела, энергичным и упорным организатором с трезвым взглядом на политическую реальность. При этом он развил целеустремленность и тактическую гибкость, которая находилась в явном противоречии с честной, но зачастую парализующе абстрактной принципиальностью многих его товарищей. В тени своих духовных приемных отцов – наряду с Л.Мартовым, П.Б.Аксельрод, А.Н.Потресовым – Дан уже в годы первой своей эмиграции начал делать себе имя в европейской социал-демократии. По поручению своей партии он участвовал в конгрессах II Интернационала. Для именитого «Нового времени» он написал две большие статьи о российской революции 1905 г.⁴ С К.Каутским, виднейшим теоретиком социал-демократии, он познакомился ближе, когда помогал ему при работе с рукописями Маркса о теориях прибавочной стоимости⁵.

Бытие Дана – эмигранта дважды прерывалось: революция 1905 г. сделала возможным для него краткое, но значительное, полуторагодовое возвращение на родину. Здесь он проявил себя как приверженец максимального использования легальных политических возможностей, включая участие в выборах, и стал, как говорилось в позднейшем признании⁶, «собственным внепарламентским лидером социал-демократической фракции Думы, парламента царской России». Когда он снова должен был эмигрировать в конце 1907 г., его путь лежал через Финляндию в Берлин. Там, однако, полиция энергично действовала против революционных групп в русской колонии и в среде студентов из России, и беглый революционер уже через несколько дней был выслан из прусского госу-

¹ Brachmann B. Russische Sozialdemokraten in Berlin. 1895-1914. Berlin, 1962. S.11-37.

² Brachmann B. Russische Sozialdemokraten in Berlin... S.12-13.

³ Sapir B. Theodor Dan und sein letztes Buch // Dan Th. Der Ursprung des Bolschewismus. Zur Geschichte der demokratischen und sozialistischen Idee in Russland nach der Bauernbefreiung. Hannover, 1968. S.11.

⁴ См.: Dahn Th. Das Entstehen des neuen Russlands // Die Neue Zeit. Jg. 23 (Stuttgart, 1905). Nr. 2. S. 1908-1913; Dahn Th. Die Bedingungen des erneuten Aufschwungs der russischen Revolution [bez] // Ibid. Jg. 26 (1908). Nr.2. S.4-10, 49-58.

⁵ Sapir B. Theodor Dan und sein letztes Buch... S.9.

⁶ Theodor Dan 60 Jahre alt // RSD. Mitteilungsblatt der Russischen Sozialdemokratie (Berlin, 15. Oktober 1931). S.1.

дарства как нежелательный иностранец⁷. Следующие пять лет эмиграции он жил по большей части в Париже. Дан был инициатором и редактором влиятельной меньшевистской эмигрантской газеты «Голос социал-демократа». Хотя его усилия преодолеть фракционную борьбу в РСДРП и включить надолго Плеханова в редакцию «Голоса социал-демократа» провалились, он вошел в эти годы в число ведущих публицистов РСДРП⁸.

Последние годы в России.

С 1913 по начало 1922 г. Дан снова действовал в России. Это были, в прямом смысле, годы постоянного экстремального состояния: вскоре после начала войны он был сослан на Дальний Восток. В Иркутске он вместе с Ираклием Церетели принадлежал к вождям «сибирских циммервальдцев». Позднее он был мобилизован как военный врач. Только февральская революция 1917 г. открыла ему дорогу назад, в Петроград. Убежденный в том, что Россия прежде всего должна пройти период буржуазно-демократического развития, он сделал, как и в 1905-1907 гг., парламентскую трибуну главным полем своей политической деятельности. Дан был рупором фракции большинства «революционных оборонцев» в РСДРП, которая и в военном вопросе была готова терпеть Временное правительство. Последствием этого восприятия был временный политический разрыв с Мартовым, который возглавлял революционно-интернационалистское меньшинство в российской социал-демократии. Одновременно Дан продолжал свое сотрудничество с Церетели в исполкоме петроградского Совета, был редактором «Известий ЦИК» и стал центральной фигурой в движении Советов, до лета 1917 г. руководимых меньшевиками и эсерами.

При всей дистанции от Ленина и большевистских методов Дан рассматривал Октябрьский переворот как порождение российской революции. Это привело его, с одной стороны, к глубокому, продолжившемуся даже в эмиграции, конфликту с Потресовым и правым крылом РСДРП, с другой стороны – возвратило его в конце 1917 г. на сторону Мартова. Он стал последовательным приверженцем мартовской «двуединой тактики», которая пыталась увязать защиту Советской России от внутренней и внешней контрреволюции с отрицанием и резкой критикой методов большевистского господства. В декабре 1920 г. он выступил с мужественной речью на VII Всероссийском съезде Советов, в которой он в стиле лидера парламентской оппозиции подверг генеральной критике политику Ленина. Вскоре после этого ему пришлось на себе испытать фактические реалии политики большевистской власти: после Кронштадтского восстания он был в начале 1921 г. арестован в Петрограде. До тех пор, пока он был под арестом там, в вотчине Зиновьева, его жизнь находилась в серьезной опасности. Только перевод в Бутырскую тюрьму в более умеренной по обстановке Москве улучшил его положение. После коллективной голодовки и международных протестов он был в начале 1922 г. с большой группой ведущих меньшевиков не сослан в Среднюю Азию, как первоначально предусматривалось, а выдворен в эмиграцию в Западную Европу⁹.

Во главе эмигрантской организации.

Здесь Дан находился на месте, близко знакомом ему. Втянутый в рутину политической работы, а вместе с тем в значительной мере избавленный от тягостных забот о существовании, он относительно быстро приспособился к условиям изгнания. Он мог воспользоваться опытом и связями дореволюционных эмигрантских лет и едва ли имел проблемы с ментальной адаптацией к новому положению, тем более что первоначально казалось, что и эта эмиграция не будет особо продолжительной. Исторические, национальные, социальные и организационные связи между меньшевиками¹⁰, изоляция по отношению к прочим группам русской диаспоры, а также надежда на скорый конец большевистского господства были достаточно сильны, чтобы сглаживать существующие тактические разногласия и укреплять чувство солидарности и эмигрантском сообществе.

⁷ См.: Bericht über die Verhaftung und Ausweisung von Mitgliedern des Auslandsbüros russischer sozialdemokratischer Organisationen Anfang Januar 1908 in Berlin, 7. Januar 1908 // Brachmann V. Russische Sozialdemokraten in Berlin... S.158.

⁸ См.: Петер Х.Р., Филимонова Т.И. «Необходимо тщательно столкнуться по целому ряду вопросов». Письма Ф.И.Дана к Г.В.Плеханову. 1907-1908. // Исторический архив. 2006. №6. С.133-168.

⁹ См.: Ф.Дан. Два года скитаний. Берлин, 1922.

¹⁰ См. подробнее: Liebich A. The Mensheviks in the Second Emigration // Canadian Slavonic Papers. Vol. XXXVIII. Nos. 1-2 (March-June) 1995. P.1-14.

В германской столице, которая традиционно была местом политической, экономической и интеллектуальной встречи Запада и Востока и находилась неподалеку от советской границы, оформилась важнейшая эмигрантская группа РСДРП. Зарубежная делегация имела местом своего пребывания Берлин, и «Социалистический вестник»¹¹ издавался и печатался здесь. Берлинский «Клуб Мартова», являвшийся центром общественной жизни небольшой меньшевистской колонии, заводил контакты в традициях дореволюционных зарубежных групп. Тесные связи с германской социал-демократией были укреплены тем, что ряд социалистов, происходивших из России – в т.ч. такие видные, как Георг Декер (Юрий Денике), Александр Штейн (Рубинштейн) или Владимир Войтинский – сотрудничал в СДПГ или в АДГБ*.

Пользовавшийся авторитетом по причине своей многолетней принадлежности к партийному руководству, своих международных контактов и организаторских способностей, Дан быстро занял доминирующее положение в редакции «Социалистического вестника», а после смерти Мартова в апреле 1923 г. встал во главе эмигрантской группы РСДРП. «Линия Мартова» осталась для него руководящим политическим направлением, за которое он ухватился, несмотря на все изменения в Советском Союзе. Его попытки приспособить свое мировоззрение к новым условиям оспаривались все сильнее и рассматривались его оппонентами и внутри, и вне официального меньшевизма как постепенная капитуляция перед реалиями советской диктатуры. Также очень жесткий, почти диктаторский стиль руководства, которым он лично много способствовал ошеломляющей организационной «большевизации» эмигрантской группы, все более наталкивался на критику. Несмотря на это, его претензии на руководство длительное время серьезно не оспаривались. Это определено было признаком того, что такой стиль вполне соответствовал трудным условиям существования в эмиграции¹². Кроме того, даже его ярые критики не видели персональной альтернативы Дану. Внутрипартийная оппозиция была не едина, и Дан мог самостоятельно, даже без собственного большинства, доминировать в официальной линии эмигрантской партии до конца 30-х годов.

Партийное сообщество международной социал-демократии было для Дана и для большинства его коллег в годы эмиграции духовным и политическим пристанищем. Как заместитель Абрамовича он участвовал в заседаниях Исполкома, а часто также и Бюро Социалистического Рабочего Интернационала (Соцрабинтерна). Как и другие меньшевики, он стал разъездным экспертом по делам российской революции: доклады о развитии Советского Союза приводили его, в числе прочего, в Финляндию, Францию, Латвию, Литву, Польшу, Австрию, Швецию и Чехословакию. Регулярно он был гостем и оратором на партсъездах Социал-демократической рабочей партии Австрии, СДПГ, Социалистической партии Франции и поддерживал интенсивные контакты с видными лидерами европейской социал-демократии. Особенно тесными и не ограниченными одним лишь политическим сотрудничеством были его отношения с Фридрихом Адлером, Отто Бауэром и Леоном Блюмом. Семьи Дана и Адлера вместе проводили отпуска в Бельгии и во Франции. С Блюмом он также общался частным образом, уже когда тот был премьером французского правительства Народного фронта. В Берлине ли, или в Париже квартира Дана предоставлялась в распоряжение Адлера, Бауэра и прочих социалистов и это гостеприимство часто использовалось. Благодаря своим международным контактам, Дан мог посредничать между своими политическими друзьями. Тесные связи с прессой и издательствами левого спектра, которыми он располагал как редактор «Социалистического вестника», он использовал, в числе прочего, для популяризации трудов Бауэра, как например, его книги «Между двумя мировыми войнами»¹³. С Каутским Дан также регулярно переписывался. В оценке СССР оба они представляли различные мнения. Несмотря на это, Каутский предоставил ему, а не его внутрипартийным оппонентам перевод и русское издание (в издательстве «Социалистический вестник») своего полемиического сочинения «Большевизм в тупике»¹⁴.

¹¹ «Социалистический вестник» выходил с 1921 по 1965 г. сначала в Берлине, с 1933 г. в Париже и с 1940 г. в Нью-Йорке и был официальным печатным органом меньшевиков-эмигрантов.

* Всегерманская федерация профсоюзов (прим. пер.).

¹² Такого же мнения придерживается А. Liebich: Liebich A. The Mensheviks in the Second Emigration... P.9.

¹³ Дан - Бауэру от 12 января и Бауэр - Дану от 8 февраля 1936 г. См.: Peter H. Fedor I. Dan und Otto Bauer. Briefwechsel 1934-1938. Frankfurt/Main, 1999. S.94, 101-104.

¹⁴ Карл Каутский. Большевик в тупике. Берлин, 1930. Каутский, очевидно, доверял лояльности и компетентности Дана. Во всяком случае, вмешательство против этого выбора внутрипартийных противников Дана, стоявших в русском вопросе ближе к Каутскому, оказалось напрасным. – См.: Ингерманс – Каутскому, 17. сентября 1930, International Institute of Social History Amsterdam (далее IISH), Nachlass Karl Kautsky. Inv. Nr. G 16, Blatt 56-57.

Такие контакты были для мелких групп меньшевиков-эмигрантов жизненно важны в двояком отношении: они обеспечивали поддержку мощных партий Соцрабинтерна, доступ к международной социалистической прессе, прямую финансовую помощь для зарубежной делегации и «Социалистического вестника». Условия материальной жизни изгнанников и их семей часто также зависели от таких связей. Для Дана важным источником дохода были оплата редакторства в «Социалистическом вестнике» и участие в социалистической прессе. Дружба с Адлером, Бауэром и Блюмом получала вследствие этого и материальное измерение. Ходатайству Бауэра Дан был обязан, например, в 1926 г. хорошо оплаченным заказом Германской социал-демократической рабочей партии в Чехословакии на брошюру о политических и экономических отношениях в Советском Союзе, которая должна была дать материал против большевистской пропаганды¹⁵. Через Адлера и Бауэра он имел доступ к венской «Арбайтер Цайтунг» и «Кампфу», где он регулярно публиковался, а также к информационному листку Соцрабинтерна, «Интернационале Информацион», через Блюма – к изданию «Популер»¹⁶. Для поддержания жизни, впрочем, этих доходов едва ли вполне хватало. Как и во многих эмигрантских семьях, его жена Лидия своей работой в разных предприятиях создавала предпосылки для политической деятельности своего мужа¹⁷.

Не менее важно было то, что сотрудничество с органами и прессой международной социал-демократии дало меньшевикам возможность влиять, согласно пониманию себя самих как эмигрантской партии, на формирование образа Советского Союза и политики международной социал-демократии по отношению к России. Стремление сохранить эту возможность политического воздействия также влияло на внутрименьшевистские дискуссии об организационных и тактических спорных вопросах. Принуждение, по меньшей мере едино выступать перед лицом зарубежной социал-демократии, действовало дисциплинирующе, помогало находить компромиссы и способствовало тому, что зарубежная делегация меньшевиков до конца 30-х годов, несмотря на сохраняющиеся внутренние кризисы, не раскололась. Для Дана, «профессионального революционера», социал-демократическое партийное сообщество было полем деятельности, которое позволяло ему компенсировать потерю возможности оказывать реальное политическое влияние в России. Когда эмигрантская колония меньшевиков с последней трети 20-х годов начала все более изматываться внутренним спором о направлении и персональных конфликтами, его политическая линия была поставлена под вопрос, и его главенство пошатнулось, он обдумывал даже уход из российской партии и переход в аппарат Соцрабинтерна или в редакцию «Кампфа». Сначала такие соображения были, прежде всего, средством давления в споре со своими оппонентами, однако с 1937–38 гг. они стали серьезной альтернативой¹⁸.

Федор Дан и Отто Бауэр.

После прихода к власти в Германии фашистов и февральских боев 1934 г. в Австрии Дан вместе с Отто Бауэром стал одним из рупоров левых в Соцрабинтерне. Политическая дружба Дана с Бауэром имела свой исходный пункт в драме российской революции 1917 г. Тогда Дан как один из лидеров партии и советских деятелей стоял в эпицентре революционной борьбы и, возможно, также в зените своей политической карьеры. Бауэр, десятью годами младше Дана, был в качестве издателя «Кампфа» уже известным социалистическим публицистом и теоретиком, когда он после трехлетнего интернирования в сибирском лагере для военнопленных сделал остановку в Петрограде на пути в Вену. Даны существенно участвовали в облегчении его участи. Лидия Дан использовала свое давнее знакомство с эсером Борисом Савинковым, который служил в военном министерстве

¹⁵ См.: Чех – Дану, 29 января 1926, PSH, Archiv F.I. Dan, Mappe 16. Дан получил за это гонорар в 1600 золотых марок. См.: Тауб – Дану, 13 июля 1926, Ibid.

¹⁶ «Der Kampf» («Борьба») при этом был реферативным листком Дана и его близких приверженцев среди меньшевистской эмиграции (в т. ч. С.Шварца, А.Югова, позднее А.Шифрина) и напротив, оставался закрытым для его оппонентов. В «Gesellschaft» Гильфердинга, где часто появлялись публикации Югова, Шварца, Шифрина, позднее также Абрамовича, Г.Бинштока, Ю.Денике и Б.Николаевского, Дан, напротив, печатался очень редко.

¹⁷ См.: Jabrak S. Mit dem Blick nach Russland. Lydia Cederbaum (1878-1963). Eine jüdische Sozialdemokratin im lebenslangen Exil. Bonn, 2006.

¹⁸ См.: Заседание заграничной делегации от 7 сентября 1927 г., Hoover Institution Archives, Stanford/CA, Nicolaevsky Collection (далее NC). Box № 687/8. Николаевский сообщил Церетели в декабре 1930 г., что Дан весной и летом этого года серьезно обдумывал выход из российской партии и взятие на себя работы в секретариате Соцрабинтерна. См.: Николаевский – Церетели, 4 декабря 1930. // Ibid. Box №. 505/3.

Временного правительства, и смогла внушить ему, что видный интернационалист Бауэр на своей родине может принести пользу России²⁰.

В Петрограде Бауэр познал элементарную силу революции. Он посещал заседания Советов, следил за событиями на улице, регулярно был гостем в квартире Дана, где жил также Мартов и бывал Аксельрод. Там он пережил волнующую атмосферу «клана Цедербаума», который, как и в революцию 1905 г. был интеллектуальным центром меньшевиков в столице и через все тактические споры магнитом притягивал к себе ведущие головы российской социал-демократии²¹. Переживания этих дней повлияли на дальнейшую эволюцию Бауэра и создали сильную эмоциональную связь с меньшевиками и маленькой группой личных друзей, к которым он причислял Аксельрода, Мартова и Лидию Дан²². Политически он, по собственному суждению, в целом стоял на точке зрения Мартова и его друзей. Об этом он писал Каутскому в сентябре 1917 г.²³ – то была позиция, со всеми ее последствиями, к которой Дан присоединился только в конце 1917 г. С ним его объединила также и в будущем чрезвычайно высокая оценка Ю.Мартова как теоретика меньшевизма и международного социализма²⁴.

Вместе с Бауэром Дан стоял за решительное и энергичное выступление международной социал-демократии против фашизма. Оба видели здесь не просто задачу момента, а ключ к последующим «победоносным боям» социализма²⁵. Их совместный меморандум «Интернационал и война»²⁶ должен был создать для этого политическую платформу. Их тезисы не только выступали за антивоенную борьбу, но и поставили под вопрос отношение к СССР и к завоеванию политической власти традиционными средствами социал-демократов. Духовным отцом документа, без сомнения, был Бауэр. Дан, однако, был не только первым, подписавшимся под тезисами, но и в существенной мере участвовал в формулировании призыва. Но, прежде всего, он добился поддержки у французских социалистов и в парижских эмигрантских кругах и организовал популяризацию тезисов. Он сумел склонить к подписанию их видного левого социалиста Яна Жиромского, вел переговоры с Адлером, Блюмом, Александром Браке, Пьетро Ненни и немецкими социал-демократами. Несмотря на сопротивление оппонентов Дана во главе с Петром Гарви, меньшевики были одной из первых партий в Соцрабинтерне, которая официально солидаризировалась с меморандумом Бауэра, Дана и Жиромского.

Хотя «бауэризм» принес Дану впоследствии растущую изоляцию не только внутри меньшевистской эмиграции, но и в социал-демократическом Интернационале, он остался и после смерти Бауэра 4 июля 1938 г. настолько же верен его заветам, насколько он чувствовал себя обязанным выполнять политическое завещание Мартова. Он хотел быть хранителем их идей, их политического наследия. Подводя итоги этапа политической жизни, начавшегося с эмиграции в 1922 г., обнаруживается двойной провал Дана. Так как большинство меньшевиков-эмигрантов не следовало более за его интерпретацией мартовской партийной тактики, он сделал в начале 1940 г. выводы и сложил с себя обязанности председателя зарубежной группы и редактора «Социалистического вестника». Ушли впустую и его усилия занять в Исполкоме Соцрабинтерна место Бауэра в качестве интегрирующей фигуры и рупора левых. Гарви саркастически комментировал выступление Дана во время дискуссии о «Борьбе за мир и демократию» на январском заседании Исполкома в 1939 г.²⁷: «он представлял его (Бауэра), не будучи, однако, в состоянии его заменить»²⁸. Факт, что представители РСДРП на этом заседании, Абрамович и Дан, представили различные

²⁰ См.: Dan Th. Letters. S. XLVIII. Сапир основывается также на информации, полученной от Лидии Дан.

²¹ Ibid. S. XXIV.

²² Бауэр – Аксельроду, 28 сентября 1917 г. NC. Box №. 44/8.

²³ См.: Бауэр - Каутскому, 28 сентября 1917 г. // Bauer O. Werkausgabe. Band 9. Wien, 1980. S.1038-1040.

²⁴ См.: Bauer O. "Julius Martow", in Julius Martow. Sein Werk und seine Bedeutung für den Sozialismus (Berlin, 1924), abgedruckt auch in Werkausgabe. Bd. 7. Wien, 1979.

²⁵ Ibid.

²⁶ Bauer O. u.a. Die Internationale und der Krieg. // Социалистический вестник (Париж). 1935. 10 августа. № 14/15. С.19-23.

²⁷ См.: Die Diskussion in der SAI über den Kampf für die Demokratie (Bericht für die Auslandsvertretung der Österreichischen Sozialisten). IISH. SAI-Archiv. Nr. 542.

²⁸ См: Гарви - Филятцеру, 12 февраля 1939 г. NC. Box № 130/3.

доклады по вопросу «борьбы за демократию», продемонстрировал Интернационалу драматическую потерю им авторитета в своей партии. Логично, что в следующем заседании Исполкома в мае 1939 г. участвовал один Абрамович²⁹. Только скромный успех имел и проект Дана создать в виде журнала «Новый мир» («Новый путь»), представлявшего линию Мартова и Бауэра, как минимум, влиятельный теоретический и публицистический форум, что должно было служить собиранию новых левых сил в международном движении социалистов³⁰. Хотя «Новый путь» просуществовал до 1947 г., он выходил лишь благодаря усилиям Дана и был закрыт непосредственно после его смерти. Даже в эмигрантском сообществе меньшевиков в США Дан остался после окончательного организационного разрыва с зарубежной группой в 1942 г. в значительной изоляции, в то время как он и далее поддерживал хорошие отношения с австрийскими и прочими европейскими социал-демократами, эмигрировавшими в Америку.

Разрыв с «официальным меньшевизмом».

Политическая позиция Дана в последние годы его жизни оценивалась большинством меньшевиков как ренегатство. Это мнение, без сомнения, поддерживала его усиливающаяся с конца 30-х годов просоветская позиция. В отличие от тех кругов буржуазно-либеральной и консервативной эмиграции, которые по национальным соображениям, исходя из желания Великой России, временно отодвинули в военные годы свой антисоветизм на второй план, выдвинув на первый русский патриотизм, Дан признавал в час бедствия и необходимость сохранения советской системы. Находясь под впечатлением усилий советского народа в войне против фашистской Германии, он склонился в последние два года войны к весьма позитивной оценке реформируемости сталинского режима и уважительно оценил значение советской революции для будущего демократического социализма в Европе³¹. Явившийся результатом этого политический разрыв с его коллегами, которые упрекали его в измене центральной идее российской социал-демократии, был столь значителен, что те по возможности пытались стереть его имя из истории меньшевизма. Еще в 1966 г., через два десятилетия после его смерти, было жестко отвергнуто предложение вдовы Гарви включить и работы Дана в планируемый сборник «Избранных статей «Социалистического вестника»»³².

Исходя из видения его мировоззрения как социалиста и интернационалиста, как русского патриота и «революционера без революции», а также из его постоянных поисков в эмиграции задач, полных смысла и целеполагания, его эволюция отнюдь не была разрывом с его прежним жизненным путем, а, напротив, его логическим следствием и итогом: Дан остался и после двух десятилетий эмигрантского существования меняющимся тактически человеком дела, как его описал Сапир. Он не мог и не хотел, несмотря на фазы разочарования, примириться с ролью «сеятеля», который не должен был участвовать в сборе урожая. Стремление оказывать политическое влияние на развитие своей родины и не застывать в роли хранителя политических ценностей и традиций своей партии в эмиграции, было сильнее его способности к трезвому анализу и позволило ему при оценке развития СССР выразить собственное желание, или, лучше сказать, веру, в поворот Советского Союза к демократии. Сомнительно, можно ли это рассматривать как ревизию его меньшевистских убеждений. Он сам категорически отвергал такие упреки.

Резюме жизненного пути.

Только тяжелая болезнь, которая в последние годы часто и надолго приковывала его к постели, помешала Дану по окончании мировой войны осуществить свое намерение и снова поехать в Европу, чтобы, если возможно, вернуться и на родину. В «Новом пути» можно прочесть, как серьезно он воспринимал эту надежду для послереволюционной социалистической эмиграции и для себя самого³³. Смерть, возможно, уберегла его от по-

²⁹ См.: «Tagung der Exekutive der SAI [bez]», in *Internationale Information*, Nr. 2 (Brüssel, 18. Januar 1939). S.23-24; Nr. 12 (Brüssel, 19. Mai 1939). S.273.

³⁰ См. в т.ч.: Дан Ф. Два пути // *Новый мир*. Русский социал-демократический орган (Париж). 1940. 20 марта. № 1. С.3-7; «Необходимое объяснение» // Там же. С.15-16.

³¹ См.: Дан Ф. Пути демократии, статья 2-я // *Новый путь* (Нью-Йорк). 1944. 19 марта. № 3. С.570, или его тезисы о задачах «Нового пути» на новом этапе // Там же. 1945. 11 ноября. № 8-9. С.808-810.

³² См.: Шварц – Николаевскому, 15 февраля 1966 г. NC. Вох 501/24.

³³ См. в т.ч.: Дан Ф. Возвращение домой // *Новый путь* (Нью-Йорк). 1946. 1 апреля. №3. С.721-723.

следнего шага его «рenegатства». Она навсегда лишила его шанса переосмыслить дышащую энтузиазмом оценку революционной роли и демократического потенциала советского социализма перед лицом его новой великодержавной политики и одновременного усиления сталинской системы подавления в стране и в государствах сферы советского влияния после начала холодной войны, вернуться к реалистической позиции и снова найти общий язык с меньшевистским большинством в эмиграции. При этом остается под вопросом, сделал ли бы Дан, собственно, не только шаг на этом пути – шаг, где ему предшествовал, во всяком случае, в отношении Советского Союза сам Отто Бауэр, его горячий друг вплоть до своей смерти в 1938 г., – но и в целом в смысле своего понимания собственной миссии. «Я верю вообще, что наша функция – и если я говорю «наша», я понимаю прежде всего Вас и меня, – это, с одной стороны, передавать новому, что творится, великое наследие, которое грозит оказаться утраченным. Но, с другой стороны, наша функция – представлять историческое значение нового по отношению к старому, которое это создаваемое новое не хочет видеть и не в состоянии понять, так как оно идет иным путем, чем ожидалось и так как действительность выглядит совершенно иначе, чем мечты, которые ей предшествовали. Я вывожу эту мысль в заключительной главе моей книги об Австрии. Но она представляется международной по своей значимости. Это очень неудобная и не очень благодарная функция, но, как мне кажется, функция исторически необходимая. Я верю, что Вы для осуществления этой функции еще в высшей степени много сможете сделать и должны сделать»³⁴.

TO SAVE FROM OBLIVION: ON THE 60TH ANNIVERSARY OF DEATH OF F.I. DAN

Although F.I. Gurvich (pseudonym – Dan) was one of the leading figures of the Russian Socio-Democratic Workers` Party (RSDRP) and in 20s and 30s headed the organization in exile, his name is almost forgotten now. It is quite possible to call him one of the present-day politicians of Menshevism. Having become “Westerner” because of emigration experience, he sought to shape his party as a modern socio-democratic party, which is able to use even the restrained parliamentary potential of the Duma`s constitutionalism. In the focus of the article is Dan as a “professional emigrant” and his activities in the international socio-democracy. Here he was a close companion of Otto Bauer. Though “bauerism” resulted in the growing isolation for him not only within Menshevik emigration, but also in the Socio-Democratic International, even after Bauer`s death he remained loyal to his legacy, as well as felt obliged to fulfill political will of Martov; he wanted to be a guardian of their ideas and political legacy. The political stand of Dan is estimated by the most of Mensheviks as tergiversation. However, his evolution was a logical effect and outcome of his life course: after two-decade emigration Dan remained tactically changing man of deed.

Key words: F.I. Dan, Menshevism, socio-democracy, Russian emigration, O. Bauer, Yu.O. Martov, tergiversation, “Socialist Bulletin”, L. Blum, K. Kautsky, Socialist Workers` International.

HARTMUT RUEDIGER
PETER

*Institute of History of the
Martin Luther University
(Halle-Wittenberg, Ger-
many)*

³⁴ Бауэр – Дану, 24 июля 1936 г. // Peter H. Fedor I. Dan und Otto Bauer. Briefwechsel 1934-1938. Frankfurt/Main, 1999. S.112-115.